

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1961 год, марта 14 дня, дер. Дубно

Ст.следователь следотделения УКГБ при СМ БССР по Могилевской области капитан [] допросил в качестве свидетеля:

МАНЕНОК Петра Тимофеевича, 1906 года рождения, уроженца и жителя д.Дубно, Кличевского района, Могилевской области, белоруса, гр-на СССР, беспартийного, образование 4 класса, несудимого работает стрелочником на станции Милое.

Об ответственности за отказ от дачи показаний и дачу ложных показаний предупрежден по ст.ст. 134 и 136 УК БССР.

Свидетель Маненок заявил, что он владеет русским языком и желает давать показания на русском языке. До Отечественной войны я работал дорожным мастером на узкоколейной железной дороге. Когда началась война я в армию мобилизован не был и остался проживать на оккупированной территории в деревне Дубно, Кличевского района, Могилевской области. Наша деревня Дубно расположена справа от железной дороги Могилев-Осиповичи если следовать с Могилева на расстоянии полтора километра от железнодорожной станции Милое. До Отечественной войны в деревне Дубно было около 90 жилых домов. В период немецкой оккупации как мне помнится 10 апреля 1942 года в пятницу, немецкие каратели сожгли всю нашу деревню и расстреляли 56 жителей деревни. Я в то время жил в деревне Дубно, но мне удалось спастись. Об этом случае в настоящее время помню следующее: В нашей местности большие леса. С первых дней оккупации в лесах стали действовать партизанские отряды. Некоторые партизаны, но кто именно не знаю, приходили в нашу деревню Дубно. Рано утром 10 апреля 1942 года по деревне прошел слух, что нашу деревню будут жечь каратели, за то что нашу деревню посещают партизаны. Тогда были разговоры, что кто-то из жителей нашей деревни заявил карателям, находившимся в деревне Долгое, которая на расстоянии 9 километров от нашей деревни, что в деревне дубно бывают партизаны. Кто мне об этом говорил не помню. Я этим слухам не придавал никакого значения, мне не верилось, что каратели могут сжечь деревню. Примерно часов в 9-10 утра, находясь в своем доме, я увидел через окно, что по улице идут каратели. Они шли со стороны деревни Заличинка и пошли на другой конец деревни. Мой дом находился в том конце деревни куда шли каратели. Я сидел в доме вдали от окна и личности карателей не видел. Мне только видно было, что каратели были в немецких вельных шинелях, что у них было на головах и были ли какие знаки отличия не заметил. Сидя в доме я стал считать карателей, проходивших мимо моего дома. Я насчитал 32 карателя. Когда каратели прошли мимо моего дома, я еще подумал, что зря пустили слух, что каратели будут жечь деревню, они прошли и никого не тронули. Я продолжал оставаться в доме. Через непродолжительное время, находясь в доме, я услышал в деревне автоматическую стрельбу и взрывы. Кто стрелял и что делалось в деревне мне из дома видно не было. Я решил выйти из дома и посмотреть, что делается в

деревне кто стреляет. Как только я вышел из дома на двор, то увидел, что горят дома в том конце деревни куда пошли каратели, оттуда слышалась автоматическая стрельба. В этот момент загорелся дом соседа. Я растерялся и не знал, что делать. Забежал в дом и хотел взять что-либо из вещей. Схватил из кровати постель и выбросил в коридор. Потом забежал в кладовку, открыл сундук, чтобы забрать одежду, но со страху одежды не взял, а взял связку льна и выбросил на двор. После этого боясь, чтобы каратели меня не убили, решил бежать в лес. Для того, чтобы убежать в лес, мне нужно было перейти улицу деревни. Я выбежал со двора на улицу и увидел шедших по улице карателей. Они были метрах в терх от меня. Увидев карателей я оторопел, но потом собрался с силами, быстрым шагом перешел перед карателями улицу и пошел шагом по огородам в лес. Каратели меня не остановили. Переходя улицу я заметил, что у двух карателей, шедших впереди в руках оружия не было. У них на шинелях были погоны и я определяю что это были офицеры. Вслед за ними шло еще два карателя. Один из них был в шинели, а второй в гражданской одежде. Было ли оружие у карателя, который был в гражданской одежде не помню. Хорошо заметил, что у карателя, который был в шинели, в руках был ручной пулемет Дегтярева. Когда я стал переходить улицу этот каратель начал закладывать в диск патроны. Я был в таком состоянии, что личности карателей не приметил и в настоящее время никого из них опознать не могу. Идя по огородам, я увидел, что сосед через улицу по имени Константин, фамилию его не знаю, так как он уроженец не нашей деревни, шел с конца своей усадьбы в свой дом. Я же продолжал идти по огородам в лесу. Когда я подошел к концу усадьбы, то услышал автоматическую стрельбу. Я обернулся и увидел, что Константин, вышедший из дома на огород с вещами упал, он был убит. Увидев, что Константин убит, я упал на землю. Каратель начал стрелять по мне. Две пули пробили мою поддевку на правом плече, но у меня не попали. Как только каратель прекратил по мне стрельбу, я быстро поднялся и побежал в кусты, которые были метрах в двадцати. Больше по мне каратели не стреляли. Из кустов я убежал в лес, где находился весь день. Перед вечером я пришел из леса в деревню и увидел, что вся деревня стореда. В деревню стали собираться и другие жители деревни, которые спаслись. Собравшись мы стали интересоваться кто погиб от карателей и кто остался в живых. Тогда мы подсчитывали сколько человек расстреляли каратели и как мне помнится насчитали 56 человек. Трупы убитых лежали около пожарных домов, на огородах, а в первых двух крайних домах обгоревшие трупы лежали на пожарах. Тогда же рассказывали, но кто именно не помню, что каратели пришли в нашу деревню Дубно со стороны деревни Заличинка. В конце деревни в сторону Заличинка они не остановились, а пошли на другой конец деревни. Подойдя к крайнему дому расстреляли всех кто находился в доме, а дом подожгли. Потом каратели стали двигаться обратно поджигая каждый дом и расстреливая мирных граждан. В первых девяти домах каратели убивали всех: мужчин, женщин и детей, а затем стали расстреливать только мужчин, женщин и детей больше не расстреливали. Мужчин расстреливали в домах, на дворе, а некоторых на огородах. В тот день каратели расстреляли моих дочерей Коровку Марию Петровну, 1921 года рождения и Маненок Ольгу Петровну 1923 года рождения. В основном каратели расстреляли жителей деревни Дубно, которые жили в том конце, где начали свою карательную операцию каратели. Жители деревни Дубно, которые жили в конце деревни в сторону деревни Заличинка спаслись, так как узнав о расправе карателей все убежали в лес.

Труп моей дочери Ольги лежал на улице. Труп дочери Марии лежал на огороде. У Марии тогда был восьмимесячный ребенок. Рассказывали, но кто не помню, что моя дочь Мария с ребенком на руках убежала от карателей. Когда она выбежала на огород, каратели открыли по ней огонь и ее убили. В ребенка не попали. Осматривая труп Марии, я обнаружил, что одна пуля попала в бедро, а вторая в голову. Придя из леса и узнав, что моя дочь Мария убита, я подошел к ее трупу. Около трупа дочери лежал ее восьмимесячный сын Михаил. Он был живой. Я его забрал и стал воспитывать. Он был болезненный мальчик, у него был порок сердца. 20 декабря 1960 года Михаил умер. Трупы своих дочерей я перенес в уцелевшую баню. В эту же баню принесли трупы и других убитых граждан. В тот же день вечером я со своей семьей уехал к родственникам в деревню Аксенковичи, Бельничского района. Трупы убитых подобрали родственники и похоронили на деревенском кладбище. Я своих дочерей также похоронил на кладбище на третий день после их убийства, приехав из деревни Аксенковичи.

Потом мне рассказывали, но кто не помню, что каратели возвращаясь из нашей деревни сожгли деревни Вишневка и Заличинка. Кто такие были каратели, которые учинили расправу над жителями нашей деревни и сожгли деревню я не знаю. Были ли среди карателей русские и украинцы сказать не могу, так как разговора карателей не слышал. Личностей карателей я не приметил и в настоящее время никого из них опознать не могу. Каратели, которых я видел были в немецких зеленых шинелях. Один каратель, шедший по улице, когда я переходил улицу, был в гражданской одежде. Этого карателя я также опознать не могу, так как со страху не запомнил его примет. Были ли среди карателей каратели из карательного отряда Барчика мне неизвестно. Барчика я не знал.

Кто руководил карателями не знаю. О Дирлевангере мне ничего неизвестно. Кто такой был Дирлевангер не знаю. Слышал ли я ранее фамилию Дирлевангер из-за давности времени не помню.

После сожжения нашей деревни я до осени 1942 года жил в деревне Аксенковичи, а затем на зиму переехал жить в деревню Загатье, которая на расстоянии трех километров от деревни Дубно. В начале весны 1943 года я построил себе землянку в своей деревне и переехал жить в деревню Дубно.

В начале мая 1943 года немцы проводили блокировку партизан. Узнав о блокировке я и мои односельчане, боясь чтобы немцы не забрали наших лошадей, погнали на ночь лошадей на луг около лесу, который находился на расстоянии немногим более километра от деревни. Вместе со мной погнали лошадей Жук Демьян, Романович Алексей Сергеевич, Цмыг Григорий Иванович, Цмыг Семен Давыдович, Маненок Федос Иатвеевич, Маненок Григорий Матвеевич, Маненок Андрей Васильевич, Коровко Виктор Васильевич, Коваленок Николай Устинович, Гончаров Владимир, молодая девушка Маненок Екатерина Никитовна и подростки Маненок Петр Ильич, в настоящее время проживает в городе Клайпеда, Маненок Василий Архипович, проживает в городе Ленинграде и Маненок Николай Семенович, проживает в дер. Ядреная Слобода. Со мной были и мои сыновья Маненок Николай Петрович, проживает на ст. Тачанка и Маненок Владимир Петрович, 1930 года, проживает на ст. Подтомна, Ленинградской области. На лугу мы разожгли костер и все находились около костра, кто спал, а кто сидел. Рано утром на рассвете, как мне помнится 7 мая 1943 года к нам подошли два немца вооруженные автоматами. Оба они были в шинелях. Что у них было на головах и были ли какие знаки на шинелях не помню.

Эти два немца показали, чтобы мы подняли руки вверх, что нами было сделано. После этого построили нас всех по два и привели на линию узкоколейной железной дороги, которая шла от станции Милое до деревни Ягодка. Затем эти два немца повели нас по узкоколейке в сторону станции Милое. Вдоль узкоколейной железной дороги цепью лежали немцы. Когда мы прошли метров двести, нас встретил немецкий офицер. Немцы, конвоировавшие нас, что-то поговорили с офицером, затем повернули нас и повели в обратную сторону от станции Милое. Они повели нас примерно с километр и остановили в лесу, на узкоколейке, против палатки, находившейся рядом с узкоколейкой. Остановив эти два немца построили нас в одну шеренгу лицом к палатке. На одном конце шеренги первым был Коваленок Николай, на втором конце шеренги крайним был Маненок Федос. Я стоял рядом с ним, вторым от края. Около Маненок Федоса стояли кучей подростки и Маненок Екатерина. Около палатки находились немцы. Все они были в немецких зеленых шинелях. Были ли у них какие знаки на шинелях не помню. Как только немцы остановили нас и построили в одну шеренгу около палатки, из палатки вышел незнакомый мужчина в гражданской одежде. На вид он был молодой, выше среднего роста, быстрый в движениях. Других примет не помню. Выйдя из палатки он сразу же спросил кто мы такие. Мы ответили, что жители деревни Дубно. Этот мужчина разговаривал по русски ххххх. Потом он спросил, есть ли у нас документы, мы ответили, что документы имеем. После этого он сразу же подошел к Коваленок Николаю и потребовал показать ему документы. Коваленок показал имевшийся у него документ. Посмотрев документ этот мужчина спросил у Коваленок, почему документ не подписан бургомистром. Коваленок ответил, что не знает. Затем он отдал документ Коваленку и ударил его два раза рукой по лицу. Так он подходил к каждому из нас, требовал документы, а потом бил рукой по лицу. Меня он тоже ударил рукой по одной щеке, а затем по второй. Подростков и девушку он не трогал. Проверив документы этот незнакомый мужчина пошел в палатку. Через короткое время вышел из палатки, подошел к Коваленок Николаю и спросил видел ли он партизан. Коваленок ответил, что не видел. Как только сказал так Коваленок, незнакомый мужчина стал избивать Коваленка. Он бил его кулаками по лицу, а также бил ногой. В этот момент один из немцев вырезал палку, подошел к нам и стал бить каждого палкой по голове. Незнакомый мужчина в это время отошел в сторону. Немец ударил и меня один раз палкой по голове. Подростков и девушку немец не бил. Когда немец окончил бить нас, незнакомый мужчина подошел к Коваленок Николаю и спросил кто жег деревню Дубно. Тот ответил, что не знает. Он начал избивать Коваленка. Затем спросил у Лук Демьяна, кто сжег деревню Дубно. Этот ответил :... "война панок". Он и Лука избил. Потом с таким же вопросом обратился к Маненок Григорию, который ответил, что деревню Дубно сожгли немцы. Маненок Григория он не бил, а только сказал, что так нужно было отвечать. Далее он сказал, что сам был в деревне Дубно, поджигал деревню, они тогда всех мужчин расстреливали, а раз мы остались в живых, то мы были в партизанах. Некоторые из нас сказали, что мы не партизаны, а когда жгли деревню Дубно были в отлучке. Больше он нам ничего не говорил, приказал отдать подросткам уздечки и вынуть что есть в карманах и положить на землю. Мы его приказание выполнили. В это время немцы повели куда-то подростков и девушку. Как я потом узнал от них немцы повели их ловить наших лошадей. Девушка сказала немцам, что у нее есть двое детей и немцы вернули ее к нам. Как она возвращалась к нам я не видел, потому, что как только подростков увели и мы вынули из карманов, то что у нас имелось, незнакомый мужчина дал команду закрыть лицо руками и

и лечь на землю лицом вниз. Мы все легли на узкоколейке лицом вниз. Больше этого мужчину я не видел. Куда он девался мне неизвестно. Вскоре я услышал как Коваленок сказал: "Зачем вы нас бьете, паночки, мы можем и вам служить". Сколько времени мы лежали на узкоколейке сейчас не помню. Ко мне подошел один немец взял за воротник одежды и показал, чтобы я поднимался. Я поднялся. Этот же немец поднял с земли и Романовича Алексея. Он показал, чтобы мы шли. Я думал, что он поведет нас в палатку на допрос и сделал шаг в сторону к палатке, но немец ударил меня кулаком по лицу и показал, чтобы мы шли в лес. Я догадался, что он ведет нас расстреливать. Немец был вооружен пистолетом. Пистолет у него был в кобуре на левом боку. Кобура была застегнута. Заметив это я решил бежать. Когда мы отошли метров пятьдесят от узкоколейки, я увидел, что Коваленок Николай в лесу копает яму. Я сразу же предположил, что он копает яму для нас. В этот момент я бросился бежать. Преследовали ли меня немцы не знаю. Стреляли ли по мне не помню. Я видел, что Коваленок Николая, который копал яму, охранял один немец, вооруженный автоматом. Пробежав примерно с полкилометра по лесу, я услышал в том направлении, где я убежал от немца два глухих выстрела, потом послышалась автоматическая стрельба. Я догадался, что моих односельчан расстреляли. Как потом выяснилось все мои односельчане, которых задержали на лугу немцы, за исключением меня и пяти подростков были расстреляны и закопаны в яме, которую копал Коваленок Николай. Кто расстреливал моих односельчан я не видел. Подростки, как мне известно из их рассказа, также не видели, кто расстреливал односельчан. Их еще до расстрела увели немцы ловить лошадей и держали при себе семь дней, пока не окончилась блокировка, а потом отпустили домой с лошадьми. Убежав из-под расстрела, я тот же день встретил в лесу жителей нашей деревни и рассказал о случившемся. Я еще три дня прожил в лесу, а потом пришел в деревню Загатые. Когда блокировка окончилась я возвратился в свою деревню, где жил до освобождения нашей местности от немцев. После окончания блокировки я указал родственникам расстрелянных место где были расстреляны односельчане. Все расстрелянные были закопаны в яме. Мы яму раскопали, забрали из нее трупы расстрелянных и похоронили на кладбище деревни.

Тогда было расстреляно десять мужчин и девушка, Маненок Екатерина.

Уже потом, после окончания блокировки, как-то будучи на улице, я рассказывал собравшимся односельчанам как нас задержали немцы, как бил незнакомый мужчина и как мне удалось бежать из-под расстрела.

Среди односельчан находилась жительница деревни Долгое старуха по фамилии Колбаско, имя и отчество ее не знаю. Она приходила к своей невестке в деревню Дубно. Когда я рассказал прийти мужчины в гражданской одежде, который бил нас, то Колбаско сказала, что тем мужчиной был Борисенок, служивший в карательном отряде Барчика. Имя и отчество его она не назвала.

55
6.

Кто из односельчан присутствовал при этом сейчас не помню. Колбаско сказала, что Борисенок она знала и по рассказанным мною приметам определяет, что нас бил Борисенок. Больше о Борисенке она ничего не рассказывала. Я же, Борисенок, служившего в карательном отряде Барчика, не знал. Того мужчину, который бил нас около палатки на линии узкоколейной железной дороги, я видел тогда впервые. Больше я его ни разу не видел. Смогу ли я опознать его в настоящее время утвердительно сказать не могу, так как с тех пор прошло длительное время.

После войны наша деревня отстроилась на том же месте. Никаких следов от пожара не сохранилось. Сейчас в нашей деревне домов больше чем было до войны, но сколько точно сказать не могу. Больше показать ничего не могу. Протокол допроса мне прочитан, показания с моих слов записаны правильно. Маненок.

[REDACTED]

Допросил:
Ст.следователь следотделения
УКГБ при СМ БССР по Могилевской
области капитан

([REDACTED])

СПРАВКА: Подлинник протокола допроса находится в арх.след. деле № [REDACTED] по делу [REDACTED] и др. - всего 13 чел.

ВЕРНО: Ст.следователь следотделения УКГБ
при СМ БССР по Могилевской области

Центральный архив УГБ Республики Беларусь